

·the big book·

Собиратели ракушек

•

Возвращение домой

•

Сентябрь

•

Под знаком Близнецов

•

Дикий горный тимьян

•

Карусель

•

В канун Рождества

•

Голоса лета

•

Штормовой день

•

Начать сначала

•

Конец лета

•

Пустой дом

•

Снег в апреле

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

КОНЕЦ ЛЕТА
ПУСТОЙ ДОМ

СНЕГ
В АПРЕЛЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 32

Rosamunde Pilcher
THE END OF SUMMER
Copyright © 1971 by Rosamunde Pilcher
THE EMPTY HOUSE
Copyright © 1973 by Rosamunde Pilcher
SNOW IN APRIL
Copyright © 1972 by Rosamunde Pilcher
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Анастасии Маркеловой, Ирины Голыбиной,
Виктории Яковлевой

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-20490-4

© А. И. Маркелова, перевод, 2012
© И. Д. Голыбина, перевод, 2012
© В. Г. Яковлева, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

КОНЕЦ ЛЕТА

Посвящается Ди и Джону

Лето было пасмурным. Теплое солнце окутывал туман, все время тянувшийся с Тихого океана. Но к сентябрю, что нередко случается в Калифорнии, облака отступили далеко от побережья, в океан, где и растянулись на линии горизонта как длинный, зловещий кровоподтек.

На суше, за береговой линией, тлели под знойными лучами солнца фермерские угодья, изобилующие перезрелыми фруктами, кукурузой, артишоками и оранжевыми тыквами. Крошечные деревянные поселки дремали на жаре, серые и пыльные, как засушенные насекомые; плодородные равнины простирались к востоку до предгорий Сьерра-Невады, и все это подобно стреле с севера, где находился Сан-Франциско, и на юг, где был Лос-Анджелес, пронзала гигантская автомагистраль Камино-Реал, запруженная миллионами сверкающих раскаленной сталью машин.

Все летние месяцы пляж пустовал, так как Риф-Пойнт расположен довольно далеко от проходящего вдоль побережья шоссе и туда редко забредают случайные путешественники. Ведущая к поселку дорога была грунтовой, небезопасной и малопривлекательной. Кроме того, чуть повыше Риф-Пойнта, на холме над берегом, расположился небольшой курортный городок под названием Ла-Кармелла, с прелестными тенистыми улочками, фешенебельным загородным клубом и чистенькими мотелями, и любой здравомыслящий человек, у которого была пара лишних купюр, предпочитал остановиться именно там. Только закоренелые аван-

тюристы, полные банкроты или страстные поклонники серфинга шли на риск и, скользя и спотыкаясь, преодолевали еще одну оставшуюся милю по грязной дороге, которая вела к этому великолепному, безлюдному, омываемому волнами заливу.

Но теперь, когда установилась жаркая сухая погода и прозрачные океанские волны лениво набегали на берег, в этом месте было полно людей. Машины всех типов и марок скатывались с холма, парковались в тени под сенью раскидистых кедров и извергали из себя любителей пикников, желающих отдохнуть на лоне природы туристов с палатками, поклонников серфинга и целые семейства хиппи, которым успел наскучить Сан-Франциско и которые теперь направлялись на юг, к Нью-Мексико и солнцу, как стаи мигрирующих птиц. А в выходные дни появлялись студенты из университета Санта-Барбары в своих стареньких кабриолетах и обклеенных цветочками «фольксвагенах», до отказа набитых девчонками и упаковками баночного пива. Они слонялись по пляжу с огромными яркими досками для серфинга «малибу» и разбивали небольшие лагеря, и кругом звучали их голоса и смех, а воздух был напоен ароматом масла для загара.

Так после долгих недель и даже месяцев полнейшего одиночества мы оказались в окружении людей и в эпицентре разного рода событий. Мой отец был всецело поглощен работой — пытался написать сценарий к сроку, а потому игнорировал все происходящее вокруг. Не замеченная им, я выходила на пляж, взяв с собой провизию (гамбургеры и кока-колу), книжку, большое удобное полотенце и Расти — за компанию.

Расти был собакой. Моей собакой. Коричневым мохнатым существом неопределенной породы, но недюжинного ума. Когда мы только переехали в наш маленький деревянный домик весной, у нас не было собаки, и Расти, понаблюдав за нами, видимо, решил это исправить. Соответственно,

он все время ошивался поблизости от нашего дома. Я прогоняла его, отпугивала, отец кидался в него старыми сапогами, но он тем не менее возвращался, без капли раскаяния и не тая на нас злобы, и садился в ярде или двух от заднего крыльца, улыбаясь и дружелюбно стуча по земле хвостом. В одно жаркое утро, сжалившись над ним, я налила ему миску холодной воды. Он вылакал ее досуха, затем снова уселся, улыбнулся и начал бить по земле хвостом. На следующий день я дала ему старую кость с остатками окорока, которую он вежливо принял, унес подальше и закопал, а сам вернулся обратно через пять минут. Улыбаясь. И виляя хвостом.

Мой отец вышел из дома и швырнул в пса сапог, но без всякого энтузиазма. То была лишь вялая демонстрация силы. Расти это понял и подошел немного ближе.

Позже я осторожно спросила отца:

— Как ты думаешь, чей он?

— Бог его знает.

— Мне кажется, он считает, что принадлежит нам.

— Ошибаешься, — возразил отец, — он думает, что это мы ему принадлежим.

— Он вроде не злой и совсем не воняет...

Отец оторвал глаза от журнала, который читал.

— Ты намекаешь на то, что хочешь взять к нам этого проклятого пса?

— Просто я не знаю... Не знаю, как от него отделаться.

— Я уже готов его пристрелить.

— О, не надо, пожалуйста!

— К тому же у него наверняка блохи. Он принесет в дом блох.

— Я куплю ему противоблошиный ошейник.

Отец посмотрел на меня поверх очков. Я увидела в его глазах иронию и поняла, что он вот-вот рассмеется.

— Пожалуйста, — взмолилась я. — Почему нет? С ним мне будет не так одиноко, когда ты уезжаешь.

— Ладно, — сдался отец.

Поэтому я тут же, не теряя ни секунды, надела первые попавшиеся под руку ботинки, свистнула псу и пошла с ним вверх по холму в Ла-Кармеллу, где была модная ветеринарная клиника. Там мы какое-то время дожидались своей очереди в маленькой комнатке, заполненной ухоженными пуделями, сиамскими кошками и их разномастными владельцами, и наконец вошли в кабинет ветеринара. Он осмотрел Расти, заключил, что пес здоров, сделал ему укол и объяснил мне, где купить ошейник от блох. Итак, я заплатила за прием, вышла из клиники и купила ошейник, а затем мы направились в обратный путь. Когда мы вернулись домой, отец все еще читал журнал. Пес вежливо переступил порог и, немного постояв, словно ожидая приглашения сесть, уселся на старый ковер перед пустым камином.

— Как мы его назовем? — спросил отец.

— Расти, — ответила я без раздумий, потому что когда-то у меня была сумка для пижам в виде игрушечной собаки с молнией на животе, я окрестила ее Расти, и это было первое имя, которое теперь пришло мне на ум.

Вопроса о том, впишется ли Расти в нашу семью, не возникало, — казалось, он всегда к ней принадлежал. Куда бы я ни шла, Расти сопровождал меня всюду. Он обожал пляж; вечно откапывал какие-нибудь бесценные сокровища и приносил их домой, где с гордостью демонстрировал нам. Мусор, выброшенный на берег волнами, пластиковые бутылки из-под моющих средств, длинные нитки морских водорослей. А иногда у нас в доме появлялись вещи, которые ему явно и откапывать не приходилось. Новая кроссовка, яркое пляжное полотенце, а однажды даже спущенный пляжный мяч — после того как я отыскала маленького заплаканного владельца этого мяча, отцу пришлось купить новый. Расти также любил плавать и всегда стремился составить мне компанию, хотя я плавала намного быстрее и заплывала дальше, а он все время вынужден был догонять меня. Лю-

бого другого пса это наверняка бы обескуражило, но Расти никогда не сдавался.

Мы плавали в тот день, в воскресенье. Отец успел дописать сценарий в срок и повез его в Лос-Анджелес, и мы с Расти были предоставлены самим себе. С самого утра мы загорали, купались, собирали ракушки и играли со старой палкой, которую волны прибили к берегу. Но теперь вечерело и становилось прохладнее; я оделась, и мы с Расти сидели бок о бок и смотрели на серферов, а заходящее золотистое солнце слепило нам глаза.

Эти ребята целый день упражнялись в своем искусстве, но, казалось, совсем не устали. Стоя на коленях на своих досках, они сквозь прибрежные волны гребли туда, где поблескивала ровная зеленая гладь океана. Там они терпеливо ждали — застыв на линии горизонта, как стаи бакланов, — пока придет волна, которая затем должна была сформироваться, подняться и наконец разбиться о берег. Они выбирали волну, вставали и дожидались, пока она достигнет вершины и на гребне появится пена, а когда она обрушивалась с грохотом, тогда серферы устремлялись вместе с ней. Они скользили на ней — поэма равновесия вкупе с уверенностью молодости, — скользили на волне, пока она не разбивалась о песок, а затем как ни в чем не бывало сходили с доски, поднимали ее и направлялись обратно в море, ибо кредо серфера заключается в том, что в океане его всегда ждет другая волна, выше и лучше, что совершенству нет предела; и сейчас, когда солнце уже заходило, предвещающая скорые сумерки, нельзя было терять ни мгновения.

Один парень особенно привлек мое внимание. Блондин с короткой стрижкой и бронзовым загаром, в узких шортах до колен, таких же ярко-синих, как и его доска. Он был великолепным серфером, отличался стилем и напором, и по сравнению с ним все остальные казались неуклюжими новичками. Я не сводила с него глаз, но теперь он, похоже, счел, что на сегодня достаточно, потому как прокатился на

последней волне, мягко приземлился на берег, сошел с доски и, бросив долгий прощальный взгляд на розовеющее вечернее море, повернулся, подхватил доску и направился вверх по пляжу.

Я отвела глаза. Он прошел совсем рядом со мной к тому месту, где лежала стопка аккуратно сложенной одежды. Положив доску, он поднял полинявшую университетскую толстовку, которая лежала на самом верху, и принялся натягивать ее. Я снова посмотрела в его сторону, и, когда его лицо показалось из выреза горловины, наши глаза встретились. Я твердо выдержала этот взгляд.

На его лице отразилось удивление.

— Привет, — сказал он с улыбкой.

— Привет, — отозвалась я.

Он расправил толстовку на бедрах и спросил:

— Хочешь сигарету?

— Давай, — кивнула я.

Нагнувшись, он достал из кармана лежавших на песке штанов пачку «Лаки Страйк» и подошел ко мне. Протянул мне сигарету, взял себе другую и прикурил обе, а затем опустился рядом со мной на песок, вытянув ноги и опираясь на локти. Его ноги, шея и волосы были слегка припорошены песком. Голубоглазый, загорелый, ухоженный, он был олицетворением образцового студента американского университета.

— Ты сидела здесь весь день, — заметил он. — Когда не плавала.

— Я знаю.

— Почему к нам не присоединилась?

— У меня нет доски для серфинга.

— Так купи.

— Нет денег.

— Тогда одолжи.

— Мне не у кого.

Юноша нахмурился:

— Ты из Британии, так ведь?

— Да.

— Приехала к кому-то погостить?

— Нет, я здесь живу.

— В Риф-Пойнте?! — изумленно спросил он.

— Да. — Я кивнула головой в ту сторону, где за изгибом песчаных дюн виднелся ряд полинявших, обитых вагонкой барачков.

— Как так?

— Мы арендуем здесь дом.

— Кто — мы?

— Мой отец и я.

— И давно вы тут?

— С весны.

— Но вы же не останетесь на зиму.

Это была скорее констатация факта, нежели вопрос. Никто не оставался зимовать в Риф-Пойнте. Эти домики были просто-напросто не предназначены для того, чтобы выдерживать бури, дорога становилась непроходимой, телефонные провода обрывало, и электричества тоже временами не было.

— Думаю, останемся. Если только не решим куда-нибудь съехать.

Он нахмурился:

— Вы что, хиппи какие-нибудь?

Зная, как я выгляжу, я не могла обидеться на него за то, что он задал подобный вопрос.

— Нет. Просто мой отец пишет киносценарии и разные вещи для телевидения. Но он ненавидит Лос-Анджелес и наотрез отказался там жить, поэтому... мы сняли этот домик.

Мой новый знакомый казался заинтригованным.

— А ты чем занимаешься?

Я взяла пригоршню грубого серого песка и пропустила его сквозь пальцы.

— Ничем особенным. Покупаю еду, выбрасываю мусор и выметаю песок из дома.

— Это твоя собака?

— Да.

— Как зовут?

— Расти.

— Расти. Эй, Расти, приятель!

Расти удостоил парня кивком, который сделал бы честь принцу крови, и вновь устремил взгляд на море. Чтобы как-то компенсировать такое отсутствие манер, я спросила:

— А ты из Санта-Барбары?

— Угу. — Юноша явно не испытывал желания говорить о себе. — И давно ты в Штатах? У тебя все еще ужаснейший британский акцент.

Я вежливо улыбнулась этой фразе, которую слышала уже не раз.

— С четырнадцати. То есть семь лет.

— В Калифорнии?

— Не только. Нью-Йорк. Чикаго. Сан-Франциско.

— Твой отец — американец?

— Нет. Ему просто здесь нравится. Изначально он приехал сюда потому, что писал роман, а потом права на экранизацию романа купила одна кинокомпания, и отец отправился в Голливуд писать сценарий.

— Серьезно? Я слышал о нем? Как его зовут?

— Руфус Марш.

— Ты хочешь сказать, автор «Долгого утра»? — воскликнул он. Я кивнула. — Боже, да я прочел эту книгу от корки до корки, еще когда учился в средней школе! Все свои знания о сексе я почерпнул из нее!

Он посмотрел на меня с новым интересом, и я подумала: «Ну вот опять история повторяется». Парни всегда были со мной дружелюбными и милыми, но несколько не заинтересованными — до тех пор, пока я не упоминала о «Долгом утра». Думаю, что это как-то связано с моей внешностью,

потому что глаза у меня бледные, как шестипенсовые монеты, а ресницы совсем бесцветные, и лицо у меня не загорает, а сплошь покрывается сотнями гигантских веснушек. Кроме того, я слишком высокая для девушки, и скулы у меня ужасно выступают.

— Он, должно быть, крутой парень, — добавил мой новый знакомый.

Теперь у него на лице появилось озадаченное выражение, а в глазах ясно читались вопросы, которые он наверняка не станет задавать из вежливости.

Если ты дочь Руфуса Марша, то с какой такой стати ты сидишь на этом забытом богом берегу, в этом калифорнийском захолустье, в джинсах с заплатами и мужской рубашке, которую десятки лет назад следовало без сожалений отправить в мусорную корзину, и у тебя даже нет денег, чтобы купить себе доску для серфинга?

С комичной предсказуемостью вторя моим мыслям, юноша спросил:

— Что он вообще за человек? Я имею в виду, кроме того, что он твой отец.

— Я не знаю.

И действительно, я никогда — даже в своих мыслях — не могла дать ему определение. Я загребла еще одну пригоршню песка и высыпала его из ладони тонкой струйкой. Образовалось нечто вроде миниатюрной горы, а сверху я воткнула сигарету огоньком вверх. Получился маленький кратер, крошечный вулкан, а его дымящейся сердцевиной был мой окурок. Так кто же он — мой отец? Человек, которому всегда нужно быть в движении. Человек, который легко заводит друзей и теряет их на следующий день. Неуживчивый спорщик, талантливый до гениальности, но опускающий руки перед лицом самых ничтожных повседневных задач. Человек, который может расположить к себе и привести в ярость одновременно. Живой парадокс.

— Не знаю, — повторила я и, повернувшись, посмотрела на парня, который по-прежнему сидел рядом со мной. Он

был милым. — Я бы позвала тебя домой выпить пива, и тогда ты смог бы познакомиться с ним и составить о нем представление. Но он сейчас в Лос-Анджелесе и вернется не раньше завтрашнего утра.

Парень молча размышлял над моими словами, задумчиво почесывая затылок. Из его волос при этом вырывалась целая буря песка.

— Вот что, — наконец сказал он. — Я приеду сюда опять в следующие выходные, если погода будет хорошая.

— Да? — улыбнулась я.

— Я тебя найду.

— Хорошо.

— Возьму с собой вторую доску. Чтобы ты могла показаться.

— Тебе не обязательно меня подкупать.

Парень притворился обиженным:

— Что значит «подкупать»?

— Я и так познакомлю тебя с отцом в следующие выходные. Он любит новые лица.

— Я не пытался тебя подкупить. Честное слово.

— Знаю, — смягчилась я. Кроме того, мне очень хотелось покататься на серфе.

Он ухмыльнулся и затушил сигарету. Солнце, спускавшееся к морю, принимало четкие очертания и цвет — теперь оно было похоже на оранжевую тыкву. Мой собеседник сел, щурясь на свет, слегка зевнул и потянулся. Затем сказал:

— Мне пора. — С этими словами он поднялся и несколько мгновений в нерешительности стоял надо мной. Его тень на песке была бесконечно длинной. — Ну, тогда пока?

— Пока.

— До следующего воскресенья.

— Хорошо.

— Это свидание. Не забудь.

— Не забуду.

Он повернулся и пошел прочь. По пути он остановился, чтобы подобрать оставшиеся вещи, и салютовал мне напоследок, а затем направился через весь пляж туда, где росли старые, зарывшиеся в песок кедры, за которыми начиналась дорога.

Провожая юношу взглядом, я внезапно поняла, что даже не спросила его имени. И хуже того, он не позаботился узнать мое. Я была просто дочерью Руфуса Марша. Но все же в следующее воскресенье, если погода будет хорошая, он, возможно, придет снова. Если погода будет хорошая. На это стоило надеяться.

Мы жили в Риф-Пойнте из-за Сэма Картера. Сэм был агентом моего отца в Лос-Анджелесе, и именно он в откровенном припадке отчаяния в конечном счете вызвался подыскать нам какое-нибудь дешевое жилье. Лос-Анджелес и мой отец были совершенно несовместимы — настолько несовместимы, что отец не мог написать ни одного стоящего слова, пока мы жили там, и Сэм рисковал потерять как ценных клиентов, так и деньги.

— Есть одно местечко, Риф-Пойнт, — сказал тогда Сэм. — Это настоящее захолустье, но там очень тихо и спокойно... Такая тишина, как будто наступил конец света, — добавил он, вызывая в воображении картины рая в духе Гогена.

Так мы взяли в аренду убогий домик, запихнули все нажитое нами добро, которого, как ни печально, оказалось немного, в старей, полуразвалившийся отцовский «додж» и, оставив за собой смог и суматоху Лос-Анджелеса, приехали сюда. Мы были похожи на детей, впервые увидевших море и взволнованных его запахом.

Вначале это и впрямь было волнующе. После городского шума казалось волшебным просыпаться под пение морских птиц и бесконечный рокот прибоя. А как чудесно было ранним утром прогуливаться по песку, глядя на солнце, поднимающееся из-за холмов, развешивать свежестыранное белье и смотреть, как оно вздымается и наполняется ветром с моря, словно паруса на кораблях.

Вести хозяйство мне было несложно, хотя я и делала это только в силу необходимости, — домохозяйка из меня, честно говоря, никудышная. В Риф-Пойнте был всего один маленький магазин-аптека, в котором продавались лекарства и другие предметы первой необходимости, а также продукты. Моя бабушка из Шотландии назвала бы его «Всё в одном», так как в нем действительно можно было купить все — от разрешений на ношение оружия до домашних халатов, от замороженных полуфабрикатов до упаковок с салфетками «Клинекс». Магазином управляли Билл и Мертл, но делали они это как придется, спустя рукава, потому что у них, казалось, никогда не было ни свежих овощей, ни фруктов, ни кур и яиц, по которым я так скучала. Тем не менее за лето мы с отцом сильно пристрастились к консервированному «чили кон карне», замороженной пицце и всевозможным видам мороженого, в котором Мертл, похоже, души не чаяла, судя по ее необъятной фигуре. Но она не стеснялась своих громадных бедер и толстых ляжек и носила голубые джинсы в обтяжку, а руки, напоминающие окорочка, выставляла напоказ в девичьих блузках без рукавов, которые предпочитала носить с джинсами.

Но теперь, прожив полгода в Риф-Пойнте, я чувствовала, как мое умиротворение сменяется беспокойством. Сколько еще продлится это чудесное бабье лето? Месяц, вероятно. А потом что? Ранние сумерки, сильные штормы, дожди, грязь и ветер. В нашем домике не было центрального отопления, только гигантский камин в продуваемой насквозь гостиной. Дрова сгорали в нем с ужасающей быстротой. Я с тоской думала об уютных ведерках с углем, но угля тут не было. Всякий раз, уходя с пляжа домой, я, как какой-нибудь первопроходец, волочила за собой брус или ветку, прибитую волнами к берегу, и складывала ее в кучу у заднего крыльца. Эта груда выросла до пугающих размеров, но я знала, что, когда наступят холода и мы начнем разжигать огонь, она быстро растает.

Домик находился прямо за пляжем, невысокая песчаная дюна служила ему единственным укрытием от морских ветров. Он был обит досками, которые поблекли со временем и стали серебристо-серыми, и стоял на сваях. Попастъ в него можно было через переднее или заднее крыльцо в несколько ступеней. Внутри были большая гостиная с венецианскими окнами, выходившими на океан; крошечная, узенькая кухня; ванная комната — без ванны, но с душем; и две спальни: одна большая, «хозяйская», где спал мой отец, а другая поменьше, с койкой, вероятно предназначенной для маленького ребенка или какого-нибудь второстепенного пожилого родственника, — эту комнату отвели мне. Она была обставлена в слегка угнетающем стиле летних домиков, в том смысле, что мебель в нее, судя по всему, перекочевала из других, большего размера домов, когда владельцы решили ее выбросить. Постель отца была огромным уродливым сооружением из меди, с отсутствующими набалдашниками, а пружины издавали зловещий скрип всякий раз, когда он переворачивался с боку на бок. В моей же комнате висело старое вычурное зеркало в позолоченной раме, похожее на те, что когда-то украшали викторианские бордели, и в его отражении я казалась утопленницей, покрытой черными пятнами.

Гостиная была не намного лучше: старые продавленные кресла со стертой обивкой, спрятанной под вязаными пледами из шерсти, дырявый коврик перед камином и стулья, набитые конским волосом, который местами вылез наружу. Был всего один стол, за одним концом которого отец обычно работал, поэтому ели мы, как правило, за другим, скрючившись и сдвинув локти. Лучшим местом в доме был широкий подоконник; он тянулся во всю длину комнаты, был подбит поролоном, устлан теплыми пледами, обложен подушками и казался необыкновенно уютным, как старый диванчик в детской. На нем можно было свернуться калачиком и почитать, или посмотреть на закат, или просто подумать.

Но это было одинокое место. Ночью ветер выл и прорывался в оконные щели, и в комнатах слышались странные шорохи и скрипы, будто наш дом был кораблем, плывущим по морю. Когда отец был дома, все это переставало иметь для меня значение, но когда я оставалась одна, воображение рисовало страшные картины, подогреваемые историями о ежедневных взломах и нападениях из колонок местных газет. Сам домик был хрупким, никакие замки ни на дверях, ни на окнах не смогли бы остановить решительно настроенного непрошеного гостя. К тому же теперь, когда лето кончилось и жильцы соседних домиков упаковали вещи и вернулись туда, откуда приехали, мы остались совершенно одни. Даже Мертл с Биллом находились за добрую четверть мили от нас, а телефонная линия была коллективного пользования и не всегда хорошо работала. С какой стороны ни посмотри — обо всем, что могло случиться, страшно было подумать.

Я никогда не заговаривала с отцом об этих страхах — у него, в конце концов, была нелегкая работа, но по сути своей он был очень тонко чувствующим человеком и наверняка знал, что я могла довести себя до состояния нервного срыва. В том числе и по этой причине он разрешил мне оставить Расти.

В тот вечер после целого дня на переполненном пляже, дружелюбного солнца и знакомства с молодым студентом из Санта-Барбары дом казался мне еще более пустым.

Солнце скользнуло за край моря, подул вечерний бриз, и на землю постепенно спускалась темнота. Чтобы было не так грустно, я разожгла огонь в камине, легкомысленно бросив туда кучу дров; затем приняла горячий душ, вымыла волосы и, завернувшись в полотенце, отправилась в свою комнату за чистыми джинсами и старым белым свитером, который принадлежал моему отцу до тех пор, пока случайно не ужаслся при стирке.

Под зеркалом в духе борделя стоял покрытый лаком комод, который служил мне туалетным столиком. На него, за

неимением лучшего, я и поставила свои фотографии. Их было много, и они занимали много места. Обычно я почти и не смотрела на них, но этим вечером все было по-другому, и, расчесывая узлы в своих длинных мокрых волосах, я изучала снимки один за другим так, будто они принадлежали человеку, которого я едва знала, и были сделаны в местах, которых я никогда не видела.

Вот моя мама, строгий портрет в серебряной рамке. У нее обнаженные плечи, бриллиантовые сережки в ушах и прическа, сделанная в салоне Элизабет Арден. Мне нравился этот снимок, но не такой я запомнила маму. Вот эта фотография была гораздо ближе к действительности — увеличенный моментальный снимок, сделанный на пикнике. Мама в клетчатой шотландской юбке сидит по пояс в зарослях вереска и улыбается так, будто вот-вот должно произойти что-то в высшей степени забавное. А вот большая кожаная складная рамка, а в ней — целая коллекция фотографий, больше похожая на коллаж. Вот Элви — старый белый дом на фоне лиственниц и сосен, за которыми высился холм, а за лужайкой мерцало озеро, находился причал и старая деревянная лодка — мы пользовались ею, когда ловили форель. А вот моя бабушка у открытых двустворчатых стеклянных дверей, с неизменными садовыми ножницами в руках. И цветная почтовая открытка с изображением озера Элви, которую я купила в почтовом отделении Трамбо. А вот еще снимок, с пикника: мои родители вместе, на заднем плане наш старый автомобиль и толстый, коричневый с белым спаниель у ног матери.

В рамке также были фотографии моего двоюродного брата Синклера. Десятки фотографий. Синклер с первой пойманной им форелью, Синклер в килте, перед тем как отправиться на какой-то праздник. Синклер в белой рубашке, капитан команды по крикету в подготовительной школе. Синклер катается на лыжах; Синклер за рулем своего автомобиля; в бумажном колпаке на какой-то новогодней вече-

ринке, немного подвыпивший. (На этой фотографии он стоял в обнимку с какой-то симпатичной темноволосой девушкой, но я расставила снимки так, что ее не было видно.)

Синклер был сыном брата моей матери, Эйлвина. Эйлин женился — слишком рано, как все говорили, — на девушке по имени Сильвия. Семья не одобряла его выбора, и, к несчастью, опасения родных оказались вполне обоснованными, ибо, родив своему юному мужу сына, Сильвия внезапно оставила их обоих и ушла к мужчине, который продавал недвижимость на Балеарских островах. Немного оправившись от потрясения, все сошлись во мнении, что это, вероятно, только к лучшему, особенно для Синклера, которого отдали на попечение бабушки и вырастили в Элви, где он ни в чем не нуждался. Мне лично всегда казалось, что Синклеру доставалось все самое лучшее.

Его отца, моего дядю Эйльвина, я не помнила совсем. Еще когда я была очень маленькой, он уехал в Канаду. По логике вещей, он должен был время от времени навещать своих мать и ребенка, но при мне, по крайней мере, он никогда не приезжал в Элви. В детстве единственное, чего я хотела от дяди, — это чтобы он прислал мне индейский головной убор. За годы я раз сто, наверно, тем или иным способом намекала на это, но безрезультатно.

Итак, Синклер рос под присмотром моей бабушки. И я, сколько себя помню, всегда была в большей или меньшей степени влюблена в него. На шесть лет старше меня, он был для меня своего рода наставником, невероятно мудрым и бесконечно храбрым. Он научил меня привязывать крючок к леске, выделывать акробатические трюки на трапеции и подавать мяч в крикете. Мы плавали вместе и катались на санках, разводили костры, хоть это и было запрещено, построили шалаш на дереве и играли в пиратов в протекающей старой лодке.

Уехав в Америку, я первое время регулярно писала ему, но он почти никогда не отвечал, и это в конечном счете от-

было у меня всякую охоту посылать ему письма. Вскоре наша переписка свелась к открыткам с поздравлениями на Рождество, запискам в пару слов на дни рождения, а новости о Синклере я узнавала от своей бабушки и также от нее получила фотографию с новогодней вечеринки.

После того как умерла мама, бабушка и меня хотела взять на попечение — как будто одного Синклера ей было недостаточно.

— Руфус, почему бы тебе не оставить ребенка со мной? — Бабушка сказала это сразу после похорон, в Элви, с присущей ей рассудительностью и мужеством отодвинув горе на задний план и обратившись к злободневным вопросам.

Мне не полагалось слышать этот разговор, но я в тот момент оказалась на лестнице, а их голоса отчетливо доносились из-за закрытой двери библиотеки.

— Потому что одного ребенка на руках тебе больше чем достаточно.

— Но я бы с радостью заботилась о Джейн... И она составила бы мне компанию.

— Тебе не кажется, что это немного эгоистично с твоей стороны?

— Вовсе нет! И, Руфус, сейчас ты должен думать о ее жизни, о ее будущем...

Мой отец ответил на это одним-единственным очень грубым словом. Я пришла в ужас — не столько из-за этого слова, сколько из-за того, что он сказал его ей. В голове у меня промелькнуло, что, возможно, он был немного пьян...

Но, не обратив на это внимания, сохраняя поистине эпическое хладнокровие, как и подобает настоящей леди, бабушка продолжала, хотя теперь ее голос звучал уже более сдержанно, как всегда случалось, когда она начинала злиться:

— Ты только что сказал мне, что собираешься в Америку писать сценарий по своей книге. Но ты же не можешь тащить за собой в Голливуд четырнадцатилетнего ребенка.

— Почему нет?

СОДЕРЖАНИЕ

Конец лета. <i>Перевод А. Маркеловой</i>	5
Пустой дом. <i>Перевод И. Голыбиной</i>	173
Снег в апреле. <i>Перевод В. Яковлевой</i>	355

Пилчер Р.

П 32 Конец лета ; Пустой дом ; Снег в апреле : романы / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. А. Маркеловой, И. Гольбиной, В. Яковлевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20490-4

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» — и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха.

Джейн, героиня романа «Конец лета», приезжает в шотландское родовое имение в надежде повидаться с кузеном, в которого с детства влюблена. Что подарит ей эта встреча, помимо семейных «скелетов в шкафу»?..

Овдовевшая Вирджиния отправляется на ветреное побережье Корнуолла, чтобы поразмышлять о своем не слишком счастливом прошлом и понять, как жить дальше («Пустой дом»). И наконец стать хозяйкой собственной судьбы, сделав важный выбор.

Весенняя погода переменчива, особенно в Шотландии, — то солнце, а то вдруг метель («Снег в апреле»). Кэролайн вынуждена сделать остановку в пути из-за снегопада и постучаться в двери чужого дома. Ее свадьба назначена на следующий вторник, но коварный апрель, похоже, распорядился по-своему... Роман представлен в новом переводе.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР
КОНЕЦ ЛЕТА
ПУСТОЙ ДОМ
СНЕГ В АПРЕЛЕ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Елена Гуляева
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.04.2022. Формат издания 60 × 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АВВ-29357-01-Р